

ПУТЬ НА РЕЙМС

«Две армии стояли друг против друга, – читал Дофин депешу о событиях минувшего воскресенья, – четыре тысячи на стороне англичан, выстроенные шеренгами, как при Креси и Азенкуре*, и шесть тысяч арманьяков. Французские капитаны желали дать англичанам открытый бой, однако Дева во всеуслышание объявила, что те сами уйдут. Она велела вынести на поле алтарь и прямо перед рядами противника отслужить мессу. По свидетельству присутствующих, военачальница вдохновенно молилась. Вскоре шеренги англичан начали разворачиваться, и тысячная армия, собранная со всех фортвов, отошла, не нанеся нам никакого ущерба».

Весть о взятии Орлеана застала Дофина в крепости Тура. В кои-то веки наследный принц почувствовал себя баловнем судьбы, в кои-то веки мир был к нему благосклонен. Ему уже не казалось неминуемым то, что короны Франции и Англии объединятся в одну, и сам себе он уже не казался ничтожеством, лишённым прав на корону.

* В битвах при Креси и Азенкуре французы понесли позорное поражение.

Будущий король пребывал в том мимолётном межвластии, когда старая правда жизни уже уничтожена, а новая замешкалась на подходе.

«*Oh mon Dauphin, j'ai accompli la volonté de Dieu, Orléans est à vous maintenant. Le couronnement à Reims vous attend*». Дофин поднял упавшую к его ногам Деву и, обхватив за плечи, облобызал. «О мой Дофин, Божья воля исполнена, Орлеан теперь – Ваш. Нас ждёт коронование в Реймсе».

Рана у её груди, под ключицей, едва затянулась, и розоватая нежная плоть источала младенческий дух с отдушкой крови. От жарких королевских объятий рану ошпарило, и девушка отшатнулась, прикрываясь рукой. У властителя заклокотало внутри – одно дело, когда тебе присягают на верность и в припадке красноречия говорят «не пожалею ради вас жизни», и совсем иное – когда вот она, плоть и кровь вещает признание.

– Дитя, вы совершили подвиг и вправе просить за него любую награду, – Дофин не любил чувствовать себя должником, к тому же привык, что ценят его главным образом за дары, а ему хотелось, чтобы Дева его оценила.

– Мне ничего не надо от Вас, мой Дофин, я прошу вас лишь об одном – без промедления выступим в Реймс.

Чуть позднее выяснилось, что Жанне всё-таки было что просить у Дофина – необходимого пополнения армии и должного содержания для солдат, чтобы положить конец мародёрству. Услышав об этом, Дофин помрачнел и принялся объяснять, что денег в казне нет, а траты на Орлеан и так превысили меру.

– Дорогое дитя, если вы не в силах устроить нам финансовых поступлений с небес, то и для меня эта просьба неисполнима.

Когда Жанна в первый раз столкнулась с тем, что на армию нужны деньги, большие деньги, она пришла в ярость. «Как? Речь идёт о судьбе Франции, а кто-то хочет на этом нажиться?»

Услышав, как она ярится, Ла Гир взялся её просвещать:

– Раз солдат на войне, Жанна, кто-то должен заботиться о его семье, ведь пахать и сеять вместо него некому.

– Да, но...

– И он может с войны не вернуться. Значит, позаботиться надо не только о хлебе на год.

– Так это всё одно.

– Дальше, солдата надо на войну снарядить, голый-босый не повоюешь, и-и-и! – комаром зудел Ла Гир. – Оружие нужно, камнемёты, да и накормить добренько, чтоб были силы оружием махать.

Мало-помалу жизнь вынуждала смириться с её земными законами. Жанна начала принимать у себя всю знать королевства, и у всех в конце разговора просила одного – денег на продолжение кампании. Придворные только диву давались – её словца бывало достаточно, чтобы аристократы и рыцари возгорались желанием снарядить лишний отряд, а то и покрыть Дофину случившиеся издержки. Коротенькое рандеву с *Chef de guerre* в каждого вселяло надежду на то, что принадлежащие ему земли вскоре будут освобождены от годонов. Кроме того, визитёры не преминули подметить, каким необычайным влиянием пользуется при дворе Дева, а таким людям всегда не грех пособить. Сама Жанна доступной власти не вождедела, и, как всегда, не лезла за словом в карман, если считала нужным поставить кого-то на место.

Дева провела при дворе почти три недели, за которые рана её затянулась, армия пополнилась сотнею новых отрядов, а Дофин уже не скрывал благосклонности к посланной ему *Fille-de-Dieu*. Загвоздка была лишь в том, что при дворе никто не разделял её пыла немедленно выступить в Реймс для коронавания. Вспомнили, что во время коронавания мантию Дофина должен держать коннетабль Французской короны, а с ним у двора были напрочь разорваны связи. Придворные перешёптывались, что коннетабль был персоной нон-грата не столько для короля, сколько для ла Тремуя.

После нескольких недель промедления Карл отдал-таки войску приказ вернуться под Орлеан и изгнать англичан с берегов Луары. Теперь Жанне припомнили, что под предлогом воскресного дня она позволила англичанам уйти из Орлеана без боя, и со всем скарбом. Зато слух о «ведьме из Лотарингии» распространился среди англичан: из уст в уста очевидцы передавали, как она летает над крепостями, одним махом вскакивает на вершину стены, а ударом меча раскраивает головы дюжине рыцарей. Поговаривали, что Жанна приворожила к себе всех до одного французских вояк.

На стороне французов сражалась теперь не одна тысяча воинов – *c'était parfait*, однако их надо было кормить. Стоял июнь, земля жила ожиданием нового урожая, и запасы еды всюду подходили к концу. Отступающие англичане грабили по пути всё, что уцелело в округе, а голодные французики напирали. Освободив один за другим Жаржо, Мен, Божанси, они уже теснили англичан к Пате, а те всё надеялись выстроиться где-нибудь единым фронтом и дать французам отпор.

В гуще леса на подходе к Пате армии потеряли друг друга из виду. Уверенные, что разрыв между ними велик, они на самом деле сошлись вплотную.

А с тыла французской армии подтягивалось ещё одно войско. Это коннетабль де Ришмон решился на дерзкое предприятие – зная, что французам край как нужны бойцы, а ещё больше – запасы съестного, он рискнул прийти с тем и другим на подмогу. Однако Жанна ещё не знала об этом. Отойдя чуть в сторону от палаток с гербами, она опустила на колени в мох и стала молиться.

Вернувшись, Дева не скрывала сияния и объявила, что вскоре «Дофина ожидает победа, какой он не знал уже многие лета». Воинам она дала приказ «заранее испытать свои шпоры и приготовиться во всю прыть гнать бегущих годонов». Жанна промолчала, что Бог пошлёт им на помощь могущественного властителя.

Лицо её было обветрено, апрельские веснушки разлились шафранным пятном, от которого нос казался эдаким диким зверёнком. Едва оправившись от ранения, Жанна целый месяц, день в день, была на ногах – в бою, в строю и в походе. Она подгоняла всех, как безумная, никому не давая поблажки, и солдаты только дивились, как девушка выдерживает такой бешеный темп. Она благодарила Бога за то, что женские дни обходят её стороной, и ей стало легче среди мужской братии. Придворная целительница, что ухаживала за ней в замке Лош, в ответ на Жаннино признание стала ей выговаривать, что это всё от невыносимой для юницы ратной жизни, что ей нужен отдых и сон, а поворожив над ней, пролепетала, что девственницы тоже бывают беременны – духом, святым духом, – пояснила она.

Узнав о появлении де Ришмона, военачальница рассудила, что это и есть обещанная небом подмога. Ей очень хотелось верить, что нависшая угроза подвигнет вельмож к единению. После недолгих споров военный совет постановил принять де Ришмона со всем войском и провиантом.

Поговаривали, что именно провиант сыграл в сём решении не последнюю роль. На какие только свершения не подвигает людей Его Величество Голод! Мало чья власть может сравниться с его.

Это из-за него под Пате началось роковое сражение. Посланный на рассвете в разведку Патада нечаянно вспугнул спящего под кустами оленя. Метнувшийся зверь наткнулся прямо на замыкающих тылы англичан, а те бросились стрелять в посланную им дичь, не жалея глоток на рьяное охотничье «Йа-а-х-ы!» Сметнув, что англичане совсем рядом, французы дали приказ к наступлению и застали годонов врасплох. Бедолаги так и не успели перестроить войско для боя, и, объятые паникой, стали спасаться бегством. А французы накатывали остервенелой волной, превращая в мертвечину всё, к чему прикасались. К двум часам бескрайний простор был усеян тысячью бездыханных тел.

Тысяча смертей делают смерть анонимной, дешёвой, привычной, так что вынести её бывает порою легче, чем единственную, одну. Хмельные своим всесильем французы обирали убитых, складывали в груды орудия и прятали за пазуху что поценней. Жанна только теперь приближалась к побоищу* – совет уговорил её в тот день идти в арьберггарде.

Смерть, всюду была смерть, она выедала глаза до слёз и до слепоты, забивала нос своим неукротимым зловонием и ничего, ничего не позволяла с собой поделать. Лучи июньского солнца высушивали кровь в порошок и равнодушно блуждали по потусторонним оскалам.

Жанне с гордостью доложили, что погибло не больше десятка французов. «За что мне такое бремя, Господи, я не согласна! Зачем нам такая победа?» – причитала обезумевшая командирша.

Сойдя с коня, она направилась туда, где слышался гул жизни. Вошедшие в раж французы выбирали, кого из выживших англичан осчастливить неволей. Англичане держались достойно, словно искупали вину за лихорадочный страх, что налетел поутру и уложил на лопатки непобедимую некогда армию. Глядя на льющую слёзы Жанну, они чертыхались: поражение казалось им колдовством, и это немного их утешало. Вдруг толпа всполошилась: французы выпихнули из гущи пленных молоденького годона и для потехи раскроили его кучерявую голову.

Девушка бросилась к лежащему на земле. Торговля и шум, всё остановилось. Она опустилась перед умирающим на колени, взяла в руки – осторожно, словно новорождённого, – окровавленную голову и стала ласково что-то шептать – ему, ничего-то не понимающему младенцу.

Уже потом, вечером, Алансон пытался ей объяснить, что прокормить такую толпу пленных им не по силам, и потому оставить в живых можно только рыцарей из благородных, за

~~~~~
* При Пате погибло больше двух тысяч англичан.

коих есть твёрдый шанс получить какой-нибудь выкуп. Низкое происхождение и на войне умаляет шансы на жизнь.

«Вразуми меня, Господи, вразуми, – сокрушалась Жанна, – зачем нам такой ценой эта победа?»

Но на то она и победа, что *post factum* с ней не поспоришь, и кровавую цену белой ручкой не удалишь. Зато теперь ничто не мешало Дофину выступить в Реймс для коронования. При дворе же склонялись к тому, что наступил подходящий час отбить у годона столицу. Другие шептались, что лучше бы она занялась освобождением богатых земель Нормандии, где у придворных было множество интересов.

Жанна была искренне опечалена, узнав, что Дофин предпочёл замок Тремуя в Сюлли победным празднествам в Орлеане. «Господь явил свою милость Франции в лице непорочной Девы, – читал Дофин поздравительные послания. – Попрали дьявола, уложили тысячный полк врага», – вести о победе французов под предводительством Девы всколыхнули Европу, и к Дофину стекались восторженные панегирики, эпистолы.

Тремуя стоило большого труда удержать при себе будущего короля, который рвался на празднования в Орлеан. Мастер казуистики, Тремуя посеял тревогу, говоря, что на освобождённой земле могут таиться враги, а обеспечить охрану будет сложно. Скрепя сердце, Карл остался в Сюлли, но про себя решил, что в последний раз поддаётся лукавому лису.

С появлением Жанны манерный голос Тремуя стал всё чаще вызывать раздражение Дофина. Что бы ни говорили о болезненной склонности Карла к фаворитам, человек с утончённым слухом его бы понял. Стоит только представить, что августейшему слуху постоянно досаждают множество неслаженных инструментов, и каждый играет своё. Именно таково у престола многоголосье придворных, советников и нескончаемых добродетелей. От их назойливой какофонии у правителя делается невроз, и он мечется меж музыкантов, потеряв какой бы то ни было курс.

И вдруг один-единственный инструмент как прорвёт докучливый фон, отыщет отклик в душе и негаданно зазвучит почти сродни гармонии! Конечно, его хочется слушать. Карл хорошо помнил, как в своё время заворожил его речью Ришмон – всё-то у него бывало подмечено, на всё находилось изысканное объяснение. Однако с годами повторение формул Ришмона начало докучать, и едва ко двору был представлен Тремуй, новый мотив заинтриговал Дофина. Тремуй был горазд в каждом событии выявить парадокс, каждую мысль преподнести навыворот и снова переиначить. В сравнении с мирозданием Ришмона мир Тремую был много сложнее, и манил, искушал противоречием. Вскоре он и взял верх, а коннетабль был удалён от двора. Дофин на время избавился от какофонии.

Неудивительно, что Тремуй занервничал, учуяв в Жанне соперницу. Он трудолюбиво сеял сомнения, одурманивал блистательными парадоксами и неизменно расставлял Жанне ловушки, которые рано или поздно должны были захлопнуться. Советник предостерегал Дофина: Дева может быть орудием дьявола, и куда лучше Карлу пожить без короны, чем угодить в ловушку и лишиться самой головы.

В рассуждениях Тремую был смысл – по всей дороге на Реймс кишмя кишели бургундцы, а замашки Девы пророчествовать от имени Господа всё больше пугали придворных.

Несмотря на противостояние, Тремую нравилось наблюдать за девчонкой. Когда при второй встрече она заявила:

– Ваша благородная должность Франции не нужна, потому что уже не осталось Франции! – у советника отняло дух.

Вот это да, вот это заносчивость! А сама-то стоит, не дрогнет, и пышет ему прямо в лицо. Он и злился, и восхищался, и даже вспомнил себя, когда в первый раз показал зубы Ришмону. Меж тем она продолжала:

– Мой совет предназначенся не советникам, ибо вы давно заблудились в советах, а Дофину, и дозволейте Августейшему самому делать выбор.

Ха-ха, самому. Тремуй знал, что сие означает.

Это только непосвящённому кажется, что власть кому-то чудом даётся – на самом деле все, кроме унаследовавших престол, сами её берут, захватывают, ею овладевают. И если нет в смертном вожделья и мощи взять в свои руки вожжи, прибавляя тысячи, а то и миллионы человеческих судеб, никогда ему не достичь вершины. Если нет в нём жизненной силы крепко натянуть эти вожжи и без трепета направлять подвластный ему народ, то достигнутой власти не удержать. Да, больше, чем все остальные призвания, властвование требует к себе самоотрешённой любви, для которой обладание любимой, престольной, верховной есть и цель, и венец всего.

И если смертный станет сорить любовью на что-нибудь, кроме власти, лучше вовсе не тратить на подступы силу, – так думал Тремуй, а уж законы власти он понял наверняка. Вот почему он так про себя решил – если шальная девчонка и вправду ослеплена какой-то идеей, если всё, что она предпринимает, имеет другую цель, а не власть, тогда это всё ненадолго. Тогда со временем он её победит.

И только одного не учёл Тремуй – что очень редко, раз-другой за тысячу лет, одержимым безумной идеей удаётся наперекор всем законам взлететь, да на самый верх! чтобы дёрнуть как следует вожжи, передать свою одержимость миру, спасти его от рутины, и тут же сгинуть, исчезнуть, пропасть.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

Под крылом самолёта расплавились огни уходящего в прошлое города. Жанна возвращалась с профсоюзного олимпа домой. Уже с первого дня её не оставляло предчувствие судьбоносных решений. На приёме в честь открытия съезда к Жанне подошёл дядечка в тёмно-синем костюме с бордовым цветочком в петлице. Таких расфуфыренных и наодеколоненных она не видела отродясь. Джентльмен тоже был сбит с толку её внешностью, решив, что кто-нибудь привёз на съезд свою пассию. По опыту он знал, что проблемами бедствующих и угнетённых занимаются женщины с малопривлекательной внешностью, а красавицы находят себе занятия поприятней.

Однако разговор с незнакомкой принял такой оборот, что у обладателя петлицы вытянулось лицо. От них давно требовали обновления стратегий и методов, – и вот тебе, во плоти – обновление.

На третий день ей неожиданно предложили занять место отсутствующего докладчика. По неопытности она решила вместить в этот шанс всю соль профсоюзной работы, и вот повела пылкую речь о том, как ячейки Народной Воли занимаются

обучением, как работают группы качества и переучиваются те, чьи специальности отошли в прошлое – а их с каждым днём всё больше. А ещё – как им удалось устроить постоянные консультации с правлениями заводов, и теперь акционеры, будучи сами себе не враги, поддерживают их нескончаемые курсы и стажировки. «Конечно, случаются иногда конфликты, но в любом случае, – девушка замялась, – противостояния мы не допускаем, стараемся, чтобы всё – мирно. А стачек и забастовок в нашем уставе нет, – выложила она, – силовых методов мы не признаём».

Аудиторию сковал холодок: дерзкая замахнулась на святая святых их движения и даже не заметила этого.

Неправильно истолковав молчание зала, девушка решила затянуть спич сверх регламента. Наивная, она стала рассказывать о проведённой два с лишним года назад золотой реформе, и всё упирала на то, что никакие забастовки не улучшили б жизнь простого народа так, как этот незамеченный международным сообществом факт. – Предприятия получили доступ к кредитам со всех сторон света, ссудный процент упал, свободная конвертируемость открыла мировые рынки, число рабочих мест множится, а поскольку деньги не обесцениваются, то и реальные доходы людей в кои-то веки стали расти.

От своих собственных слов девушка почувствовала себя на коне и, не обращая внимания на знаки заканчивать, стала рассказывать, как они бросили клич, чтобы государственные служащие истинно служили народу – как на конвейере каждый несёт свой вклад в конечный продукт, так пусть будет и в государстве.

Ремарка неизвестной никому Жанны Сантаре завершилась в подавляющей тишине.

«Уважаемые пассажиры, наш самолёт скоро пойдёт на посадку», – дохнул громкоговоритель.

Девушку переполняло обилие мыслей, так и не позволивших хоть ненадолго уснуть. Жанна достала подаренную на съезде шикарную авторучку и открыла дорожный блокнот. В это

время человек, сидящий в восьми рядах от неё, потянулся и задел локтем своего необычного спутника. Пассажир этот загородился от мира старомодными кожаными наушниками цвета слоновой кости и весь полёт выстукивал неведомый ритм. Удар по локтю сбил репетирующего, и он раздражённо вскинул горящие вибрацией руки. Встал и повернулся к проходу.

Едва сняв колпачок, Жанна ахнула – дарёная авторучка истекла чернилами бирюзового цвета, бирюза поплыла по ладоням и грозила дотянуться до манжет дорожного пиджака. Именно в этот миг идущий по проходу мужчина увидел залитые чернилами девичьи руки, а на столике – носовой платок, такой белоснежно-белый. Неожиданно для себя незнакомец бросился в конец самолёта, выхватил из служебной тележки салфетку, бутылку минеральной воды – и вот уже вытирал салфеткой бирюзовые пальцы и, глядя на нетронутый белый платок, приговаривал: «не портите эту вещицу, ей место в музее». На последних словах оживление незнакомца стало неметь, и он поднял взгляд на обладательницу старинной вещицы.

Ну, какому везунчику неведомо это чувство, когда открывается и тянет в себя невидимый дотоле мир, тянет, словно в воронку, и ты знать не знаешь, что если упустишь миг, этот ход пропадёт, зарубцуется, словно его никогда и не было, и скорее всего, никогда больше не будет. Расстроенная своей неловкостью девушка потупила глаза, и чернила, простые бирюзовые чернила стали горячими.

Разогретые до невозможного градуса, они расходились по двум парам рук, рождая контур материка, одного на двоих.

Двое встретились взглядами. А над ними уже парил, испарялся с материка первозданный туман, вдохновитель любви и жизни.

«Пробьба всем пассажирам возвратиться на места...»

Феерия закончилась, зато жизнь начиналась. Даниэль помог Жанне спуститься по трапу, улыбаясь её массивным армейским

ботинкам, из которых торчали тоненькие лодыжки. Казалось, она старается как можно громче гроыхать ботинками о металл трапа, чтобы протрезветь, заземлиться, но закон гравитации был непоправимо нарушен, и девушка едва касалась ступеней, едва способна понять, что под руку её ведёт тот самый, тот, кто два года назад поверг её в смятение Пятой симфонией Малера.

Репетиции были назначены только на завтра, и как-то само собой вышло, что девушка взялась показать заезжему дирижёру город, и больше они уже не расставались. Единственным исключением были концерты, когда меж ними вставали семь рядов концертного зала. Никогда не слышала Жанна такого, да что там слышала – музыка владьчествовала над ней, играла её жилами, буранила вскипающей кровью, напористо домогалась её естества. Иногда Жанне казалось, что то не музыка царствует в ней, а она сама превратилась в эфирную переливчатую субстанцию, испарилась, стёрлась с лица земли и пребывает везде. Жизнь перевернулась, потерялась, пропала и обрела исконный смысл.

Пять дней девушка не ступила ни шагу в привычную жизнь и даже махнула рукой на горящую после поездки работу. Она только позвонила домой и услышала вздох Матери «*Боженьки-Боже*», а всё остальное как-то само собою отпало.

Вот ведь как это бывает – живёт себе человек и не ведает, что где-то висит на ниточке ключик к его сокровищу, к души его самому таинству; чародейство, что расколдует от холода, от тяжёлых печатей прошлого и от безверия бытия. Казалось, она всегда жила тут, рядом с ним, в этом гостиничном номере, и по расстеленному в центре двуспальному полотну кто-то невидимый всю жизнь писал историю их любви и страсти. Расправляя утром постель, Жанна с изумлением замечала, что у той имеется край, который надо терпеливо заправить, потом приходилось один за другим найти четыре уголка одеяла и тряхнуть вдвоём, крепко держа углы. Разглаживая ладошками покрывало,

она, конечно, догадывалась, что это всё два на два, но ощущение бесконечности от этого не иссякало.

Она мало что в своей жизни видела, и ему было нетрудно очаровать её. А он, наоборот, повидал в своей жизни немало, и единственное, что могло его покорить – это такая вот непосредственность, неопытность, неумудрённость. Это был рай, ещё не тронутый знанием.

Она робела, стеснялась, распахивала настежь глаза, исходила румянцем и по-детски наивно выдавала ему откровения. В ней была та несравненная женственность, какой уж не встретишь в продвинутом мире, и вместе с тем не знающая преград сила самоотдачи. Именно эта неискушённая сила действовала на него, как дурман.

«В тебе есть необыкновенная полнота, – говорил он, а она удивлялась, – в смысле – целостность, понимаешь меня?» – она непонимающе мотала головой, и тогда полнота была через край, одаривая тихим таинством мироздания.

Быть таким человеку – дар, встретить такого – везение.

Он всё ещё не мог поверить в это и изредка её проверял, а потом вдруг вспомнил Марио, и ревность охватила его.

– У вас тут на гастролях был мой друг, лет восемь назад, – Даниэль пытался вспомнить, когда это было, – у вас тогда перевод был, независимость объявили. «*We-e don't need*», – напел он родную до боли мелодию.

– Ноу азе хироу! – радостно подтянула она. И назвала дату.

– Так ты с ним встречалась?

Она вспомнила пустыню растрескавшихся губ и сквозной взгляд на обложке диска, который так любил Стан.

– Какие концерты в те дни? Да я домой-то забегала только в душ, согреться – и на дежурство.

Даниэль ослабилась. А ей духу не хватило признаться, что не Марио видела на концерте, а его, Дана, и было это два года назад. Вернее, два года и два месяца.